

Рядом с интересным собеседником

«СЧАСТЬЕ НАЧИНАЕТСЯ У ТВОЕГО ДОМА»

Искусство замечательного танцовщика народного артиста СССР Махмуда Эсамбаева становится уже легендой. Многие годы мы восхищаемся его талантом, его поистине хореографическими шедеврами: индийским танцем «Золотой бог», бразильским ритуальным «Макумбой», экзотическим перуанским «Павлином». Во многих странах, на разных континентах хорошо знают артиста. Махмуд Эсамбаев отдал уникальному народному танцу десятилетия труда. О нем мы и разговаривали с артистом во время недавнего его приезда в наш город.

— Когда Вы впервые встретились с народным танцем, узнали и полюбили его? Ведь искусство танца стало смыслом Вашей жизни.

— Я вырос в горах, в селе Старые Атаги. На свадьбах в четыре года увидел танцы и стал танцевать. На правой ноге делал поворот, а левой одновременно дотягивался до головы! А если серьезно, я танцую всю жизнь, не помню себя нетанцующим. В школе всегда говорил, что стану знаменитым танцовщиком. Все хохотали. Правда, значение слова «знаменитость» я тогда не понимал. Да и сейчас не понимаю. Вернее, понимаю так: любой человек, токарь он или слесарь, должен блистать в своей профессии. Иначе нет ощущения счастья, полноты жизни.

Я ковал свое счастье с детства. Мне сейчас 58 лет, но еще собираюсь лет двадцать танцевать, и этому поможет мой строгий режим. Если бы была возможность снова прожить жизнь, я бы прожил ее точно так же, со всеми сложностями и трудностями, которые были. А они не могут не быть. Люди, которые в своей профессии хотят чего-то добиться, должны потратить для этого немало сил. А как же иначе?

Профессия танцовщика у нас в народе не признавалась, ибо часто просто не понимали, что это такое. А ведь плохих профессий нет.

То, что видит зритель вечером, — итог ежедневной многочасовой работы, тренировок. Танцовщик не может не быть учеником, если хочет достичь определенных вершин в искусстве танца.

Мне очень много приходится ездить. Часто слышишь: «Махмуд, ведь, наверное, устаете? Трудно? Сложно?» Нет, не трудно и не сложно, ибо я чувствую, что приношу радость людям. И в этом тоже счастье, ибо я знаю, что зрители смотрят на меня с добротой, желают здоровья и счастья. Люди, бывшие мне чужими еще три часа назад, после концерта становятся друзьями.

Я считаю себя счастливым человеком и оттого, что у меня хорошая семья, хорошие внуки. Счастье начинается у твоего дома! Когда я куда-то уезжаю, то разлуку с домом переношу трудно. И хотя выступления принимают очень тепло, дарят цветы, все равно хочется поскорее приехать домой.

— Наверное, тоска по родному очагу особенно сильно и остро ощущается во время зарубежных гастролей?

— Да, когда я в первый раз ездил в Америку и пробыл там более четырех месяцев, то чуть не сделался писателем. Такие я писал письма домой! Писал, что, когда приеду, буду целовать дверные ручки, кирпичи родного дома. Только побыв какое-то время далеко от дома, понял, что такое Родина, что такое отчий дом.

— Какая из гастрольных поездок Вам больше всего запомнилась, какая оказалась самой важной?

— Мне запоминаются все поездки, но когда летишь за океан, особенно чувствуешь, что ты обязательно должен победить, обязательно должен показать высший уровень своего мастерства. Я понимаю свои гастрольные поездки за рубеж как представительство советского искусства. Да, конечно, и мои товарищи по искусству тоже. Мы часто сталкиваемся за рубежом с совершенным непониманием вещей для нас, советских людей, само собой разумеющихся. Например, духовное служение народу. Что это такое для тех, кто исповедует культ денег? Вот США — страна и богатая, и страшно бедная. Ходишь по улицам и всюду видишь ужасающую нищету. Детей, брошенных и бездомных, хочется покормить, погладить по голове. В эти моменты особенно остро думаешь: «Какой я счастливый, что скоро уеду отсюда домой!». Поймите, что такие поездки столь же запоминают-

ся, сколь и бывают важны.

— Махмуд, чем Вы объясняете сегодняшнюю популярность народного танца, создание многочисленных ансамблей — профессиональных, самодельных?

— Танец — неотъемлемая часть духовной жизни любого народа. Это, во-первых, самый понятный язык. Если ты танцуешь — изъясняешься на языке танца, — тебя понимает весь многомиллионный, многоязычный мир. А талантливый исполнитель так преподнесет народный танец, эту ожившую музыку, что и сам народ станет понятнее и ближе. В истинно народном танце все лучшее, все самое красивое, значительное — от народа, его быта, его жизни. Ни один художник не может исчерпать эту великую кладовую творчества.

— Вы однажды сказали: если хочешь узнать народ, узнай, как он танцует...

— Да, для этого обязательно учиться у балетмейстера. Если ты танцуешь народные танцы, его легенды, пойдешь и посмотри, что и как танцуют в народе, как играют свадьбы. Вот тут-то, у стариков, ты можешь узнать и увидеть очень много интересного! В их глазах, в движениях, походке ты почерпнешь не меньше, чем в указаниях балетмейстера.

— За свою жизнь Вы, наверное, перетанцевали огромное количество танцев?

— Не могу сказать, сколько перетанцевал: нет времени считать.

У меня нет нелюбимых танцев. Как я могу исполнять танец, который мне не нравится! У разных народов совершенно разные обычаи, и не похожи друг на друга их танцы. Для меня каждый танец — это какая-то грань народного характера.



— Отношения «зритель — артист» бывают подчас очень драматичными...

— Для меня зритель — как воздух и хлеб. Плохого зрителя вообще не существует! Артисту надо думать прежде всего о том, все ли он сам несет этому зрителю и то ли, что нужно.

— А что Вы можете сказать о зрителях-горьковцах, с которыми встречаетесь уже не первый раз?

— Впервые я приехал в Горький в 1957 году. Добрыми театрально-музыкальными традициями города горьковчане могут гордиться. Я приезжаю действительно к своим друзьям, для которых хочу сохранить ту красоту, ту молодость народных танцев, которые впервые показывал много лет назад. На последние концерты ведь приходят зрители уже другого поколения.

Беседу вел
С. ЧУЯНОВ.

Фото В. ШОХИНА.

75